

Хитроватый Бумбарах, утонченный Моцарт и едкий Сальери. Автор ироничной остроумной прозы и исповедальных дневников. Гармонист, поющий народные песни. Актер, стоящий у истоков легендарной Таганки, не стесняющийся перед спектаклями стоять у прилавка в фойе и продавать свои книги и диски. Дедушка, у которого пять внуков, и молодой отец, с придыханием рассказывающий о годовалом младшем сыне. Все это - Валерий ЗОЛУТУХИН

САЛЬЕРИ С ТАГАНКИ

- Валерий Сергеевич, с чем для вас ассоциируется вкус жизни?

- Если ответить банально, - с женщиной. И, конечно, вкус жизни для меня ассоциируется с хорошо сыгранной ролью.

- Какие запреты вызывают у вас желание немедленно их нарушить?

- Я человек дисциплинированный. Нарушать, конечно, нарушаю. И запреты, и заповеди. Но пафоса сопротивляться запретам у меня никогда не было.

- Есть ли у вас рецепт творческого успеха?

- Он для меня заключен в пушкинском монологе Сальери: «Ремесло я поставил к подножию искусства...» Там и дисциплина, и самосожжение, и молитва, и отречение от каких-то жизненных удовольствий. На мой взгляд, только овладев ремеслом, можно высечь вдохновение из творчества.

- Ваш сын Сергей окончил музыкальное училище по классу ударных инструментов. Он добился успеха в своей деятельности?

- Пока нет. Но он играет в неплохой группе «Мертвые дельфины», и я не верю, что у него все еще впереди. Я даже репетировал с ребятами песню «Ходят кони над рекою» для рок-фестиваля, который должен был проходить в Чечне. Но не получилось нам туда слетать. Успех в рок-музыке зависит не только от творчества, но и от денег. В «Мертвых дельфинов» больших средств пока никто не вкладывает.

- Какая музыка близка вам?

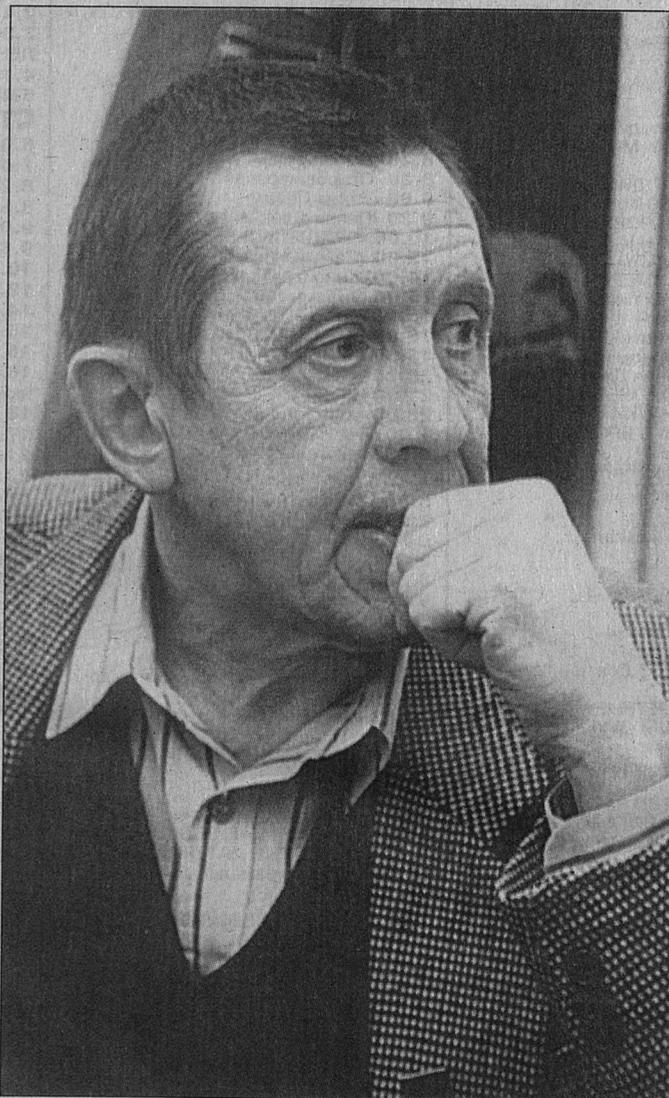
- Джаз. Но слушаю и Моцарта, Шопена, Шуберта.

- Но почему тогда не так давно вы записали песню с хард-роковой группой «E.S.T.»?

- Я через сына с ребятами из этой группы познакомился. Их лидер Жан Сагадиев предложил записать несколько песен. Форма звучания мне была чужда, а вот тексты показались довольно интересными. Я записал с «E.S.T.» несколько песен, но только одна песня «Маша-Маша» в альбом вошла.

- А где сейчас приход у вашего старшего сына Дениса?

- В одном из приходов города Видное. У него три дочери и два сына. Я в гости частенько заезжаю. Видите на окне большой пакет стоит, это я игрушки купил. При первой возможности стараюсь взять внуков на

Алтай, чтобы они прирастали там корнями. А Денис несколько раз служил в храме, который был построен в моем родном селе Быстрый Исток. Кстати, за участие в строительстве этого храма я получил орден Даниила Московского.

- Долго храм строили?

- Тринадцать лет. В 1991 году я написал книгу о Владимире Высоцком «Дребезги». Приятель ска-

зал, что налог с гонорара я могу отдать в детский дом либо в какой-то храм. И я вспомнил, что в моем селе нет церкви. Открыли счет на строительство, я переслал туда свой первый взнос в десять тысяч рублей. Но деньги-то сами по себе в селе ничего не решают. Пришлось падать в ноги начальникам, которые элеватор строили поблизости. Они сначала не поняли, кто

перед ними на ковре шапку ломает, а когда я встал, кто-то из них с удивлением сказал: «Так это же Бумбарах!» В общем, уговорил я их фундамент под храм сделать. А дальше начались дефолты с инфляциями. Я миллион доставал, а свету во временной церкви нагорало на два миллиона. Очень туго строительство шло. Пришлось отказываться от кирпича и строить деревянную церковь. Только в 2003 году храм освятили.

- Сколько спектаклей вы сейчас на Таганке играете?

- Семь. Вечеров десять в месяц на сцену выхожу. Зато на кино у меня больше свободного времени появилось.

- Где сейчас снимаетесь?

- В большом телесериале по трилогии знаменитого русского драматурга Сухова-Кобылина. Я играю Ивана Сидорова.

- Какие фильмы на выходе?

- «Дневной дозор» и «Мастер и Маргарита», сериал «Счастье ты мое».

- Уверен, что предложенный сняться в кино у вас более чем достаточно. Интересно, по каким критериям вы роли выбираете?

- Уверены вы совершенно напрасно. Возрастных ролей очень и очень мало. Я понимаю, что мое время прошло, но отказываться от ролей чревато длительными простоями, а мне семью надо кормить. Так что сейчас я практически на все роли соглашаюсь.

- Таганка подстраивается под ваш кинематографический график или подстраиваетесь вы?

- Конечно я, потому что у меня отношение к театру очень трепетное. Ни один фильм я с нашими спектаклями рядом поставить не могу. Для меня кино - это производство, а театр - искусство.

- К антрепризе как относитесь?

- Очень неплохо. Я играл в «Театре Антона Чехова» в пьесе Миллера «Цена» с Олегом Басилашвили, Анатолием Равиковичем и Верой Сотниковой и в «Кине IV» заглавного героя играл. Могу сказать, что режиссер Леонид Трушкин очень добротные спектакли ставит. Сейчас не играю, и ничего нового у меня не намечается ни в антрепризах, ни на Таганке.

- Будущим летом вам исполнится 65 лет. Неужели о бенефисе не думаете?

- Думаю, ишу пьесу. Есть идея возродить легендарный спектакль «Живой».

- Интересно, как к этой идее Юрий Петрович Любимов относится?

- А я ему об этом еще не говорил. Вот прочитает он это интервью, и узнает его отношение. Но я почему-то думаю, что большого восторга эта идея у режиссера не вызовет. «Живого» ведь не восстанавливать, а по сути, заново ставить придется.

- Почему бы вам самому этот спектакль не поставить. Любимов вроде несколько раз предлагал вам на режиссерском приеме потрудиться?

- Никогда и никому из актеров Юрий Петрович подобного не предлагал. Хотя был один случай, когда Любимов сказал, что надо бы традиции продолжать. Мол, Погребничко «Три сестры» ставит, а спектакль не получается. Я честно сказал, что я по натуре ведомый и быть лидером вряд ли смогу. В итоге Юрий Петрович сам «Три сестры» доделал. И больше к этой теме мы уже не возвращались.

- К преподаванию, похоже, опять-таки характер у вас не лежит?

- Наверное, хотя в одной из гуманитарных академий у меня есть свой курс, но это самодеятельность. Я чувствую, что это не мое -

нет у меня педагогического дара.

- Дневник от руки пишете или на компьютер перешли?

- По старинке, от руки. Какая тетрадка по счету? Сейчас посмотрим... Девяносто пятая! Кстати, совсем недавно вышел «Таганский тупик», где в финале добавлена очень большая глава «Марат и Моцарт» - про меня и про Ирину Линдт.

- Почему вы свои книги сами перед спектаклями продаете. Не проще их через книжные магазины реализовывать?

- Так от книжных магазинов я гроши получаю. А в фойе Таганки я продаю книги со своими автографами, и расходятся здесь они очень-очень неплохо. Тем более книжные магазины цены задирают до неприличия.

- Прозу не забросили?

- Пока нет, но пишется она почему-то все труднее и труднее. К тому же я вижу, что дневники читают с гораздо большим интересом. Вообще, думаю, если от меня что-то останется, то это «сага о времени и о Таганке». Я дисциплинированный графоман и пишу каждый день.

- Про младшего сына напоследок расскажете?

- Без увлажненной взглядом я на него смотреть не могу. Ване одиннадцать месяцев исполнилось. Первые шаги, первое слово «па-па». У меня много дел, и сын думает, что я живу в телефонной трубке. Я прочитал недавно, что писал в дневнике про старших сыновей. Вроде те же ощущения, те же самые слова. Но когда тебе шестьдесят четыре года, все совсем по-другому воспринимается. Я мечтаю дожить до того времени, когда сын вырастет и скажет: «Папа, да что ты понимаешь в этой жизни!» А я ему честно отвечу: «Да ничего я в ней не понимаю, сынок».

Беседу вел Алексей БЕЛЫЙ